

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Винуон видит в ней типично индийский стиль и восклицает: «встречается-ли что-нибудь подобного в могольском искусстве»? Спрашивается наоборот, чем портреты нижней части не могольские? Остановлюсь еще на табл. XVIII, изображающей пляску дервишей. Винуон ее не очень жалует, как по композиции, так и «по некоторым элементам, заимствованным от Европы», но он выделяет нижний фриз с индийскими святыми XV по XVII ст. как выдающийся по красоте, с чем приходится безусловно согласиться. Однако эта картина в обзор могольской живописи попала, мне кажется, по недоразумению, так как она, особенно нижний рельеф, по моему, весьма позднего, индо-европейского письма. Так называемый портрет жены Джахангира Нур Джахан (табл. XV) характерен своей безжизненностью.

Превосходство над индийскими персидских и дальневосточных изображений птиц, зверей, цветов в их естественной, дикой среде, Винуон объясняет тем, что индус не воспринимает мир как целое, отличается однако тонким пониманием отдельных красот. Однако слабость индийского пейзажа объясняется слабостью синтетической концепции при тонкой чувствительности к красотам в детали. Это звучит весьма пышно, однако не проче-ли и ближе к истине, видеть с Grünwedel'ем причины этих недостатков в сравнительно слабом даровании индийских арийцев к изобразительным искусствам.

В конце книги стр. 69—86 T. W. Arnold в примечаниях к таблицам дает, кроме чтения подписей художников и вписанных на картинах имен, интересные исторические и биографические сведения.

Ф. Розенберг.

11. John F. Baddeley. Russia, Mongolia, China. Being some Record of the Relations between them from the beginning of the XVIIth Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676 Rendered mainly in the form of Narratives dictated or written by the Envoys sent by the Russian Tsars, or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans & Princes; and to the Emperors of China with Introductions, Historical and Geographical also a Series of Maps showing the progress of Geographical Knowledge in regard to Northern Asia during the XVIth, XVIIth & early XVIIIth Centuries. The Texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives. The whole by — — London, Macmillan and Co, 1919. 2 vol., 15 + CCCLXVI, XII + 446, Fol.; 29 карт, 74 рисунка, 20 таблиц.

Автору не даром понадобилось возобновить старый обычай помещать на первой странице столь длинное заглавие; иначе трудно было бы дать

представление о содержании этого объемистого труда. Можно даже сказать, что и это заглавие является недостаточным: так много вопросов, им не предусмотренных, здесь затрагивается. Всем вопросам посвящены отдельные очерки, большую часть мало связанные между собою, и получающееся от этого впечатление известной мозаичности еще усиливается усвоенным в труде методом изложения. Автор старается говорить языком документов и других источников и потому, касаясь какого-нибудь вопроса, обыкновенно приводит *in extenso* одну за другой выдержки из этих источников и лишь затем высказывает свое мнение. Только образцово составленные указатели позволяют ориентироваться в материале и находить нужные сведения. Эти указатели пахоятся в I т., вообще предназначенном для приложений, среди которых мы находим 3 введения (общее, историческое и географическое), многочисленные карты Северной Азии, ряд русских текстов и генеалогические таблицы монгольских князей с XVI в. II том представляет собственно исследование, но точного разграничения между этими частями не замечается.

Автор заинтересовался своим предметом случайно. Совершив в 1910 г. поездку в Китай по тому пути, которым отчасти воспользовался в XVII в. русский посол Николай Спафарий, он изучил его путешествие, а затем перешел к его предшественникам, ездившим из Московской Руси в том же веке к монголам и в Китай. Таким образом получилось критическое обозрение сведений о 16 посланцах, кончая Спафарием. На длинную цепь поездок этих посланцев написаны многочисленные пояснения и справки, предназначенные для осведомления английского читателя по разным привходящим вопросам, часто не имеющим прямого отношения к поездкам. Автор не ориенталист и ранее он не был вовсе знаком с предметом, но, заинтересовавшись им, он тщательно изучил литературу и помещенная в его труде библиография отличается сравнительной полнотой даже по части русской литературы, которая была ему вполне доступна, благодаря знанию русского языка и продолжительному пребыванию в России; но, конечно, при ознакомлении *ad hoc* и широких рамках предмета невозможно было избежать пробелов и такие часто замечаются, в особенности в деле использования периодических изданий.

Справедливость однако требует особо отметить ту необычайную настойчивость и умение, которые автор проявил при добывании необходимых для него сведений, при изучении их и приведении в наиболее удобный для читателя вид. Благодаря этому, мы находим в данном труде многочисленные выписки из мало доступных изданий и рукописей, много документов и справок из самых разнообразных источников, факсимиле и вообще воспроизведение в оригинальном виде, часто в красках, редких документов, карт,

иллюстраций, таблиц и т. д. Особенно ценными являются в его труде документы и карты, которые он, не жалея труда и средств, добыл из разных архивов: Москвы, Петрограда, Упсалы, Стокгольма, Лондона, Парижа и др. По существу дела наибольшее внимание он должен был уделить русским архивам и действительно он извлек из них очень много совершенно новых материалов, которые и помещены в английском переводе (II т.) и отчасти в русском тексте (I т.).

Когда в начале 1919 г. я представил для напечатания в Изв. Р. А. Н. статью: «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.»¹, в которой старался обратить внимание на важность указанных документов и необходимость их издания, я не предполагал, что в том же году в Англии появится труд², в котором указанная мысль уже окажется частично воплощенной в жизнь. Но само собою разумеется, автор только положил начало этому крупному предприятию и даже в той части, которая входила непосредственно в рамки его изысканий, он выполнил стоявшую перед ним задачу с недостаточной полнотой и не без погрешностей. Это вынуждает меня вернуться к предмету моей статьи³ и осветить, на основании имеющихся в моем распоряжении архивных документов, характер работы, выполненной английским исследователем.

Baddeley главное свое внимание сосредоточил на Моск. Гл. Арх. МИД и исследовал в нем дела монгольские, зенгорские (когтайшинские),

¹ Изв. РАН, 1919, стр. 791—822, 1071—1092 и 1199—1214.

² Считаю однако необходимым отметить, что во время моих занятий в б. Моск. Гл. Арх. МИД я нередко наталкивался на имя Бадделей, благодаря существовавшему одно время в этом архиве обыкновенно отмечать на обложках дел фамилии лиц, которые ими пользовались.

³ Пользуюсь настоящим случаем, чтобы внести в свою статью некоторые дополнения библиографического характера. Список монгольских исторических сочинений пополнился Историей Джунгарии, поступившей в конце 1919 г. в Азиатский Музей от Б. Я. Владимирцова (ИРАИ, 1919, стр. 934).—К эпиграфическим памятникам нужно отнести надписи на 4 языках, сделанные в 1703 г. при Кан-си в Куку-хотоских храмах (всего 4 памятника—А. Позднеев, Монголия и монголы, II, 59—63). В своей рецензии на атлас О. Франке и В. Лауфера, *Epigraphische Denkmäler aus China* (Journ. Asiat., Juill.-Août 1914, p. 187) Pelliot сообщает некоторые сведения об аналогичных памятниках Цянь-луна 1758 и 1771 г., совершенно справедливо указывая, что надпись 1758 г., изданная в переводе Amiot, не совпадает с помещенной в упомянутом атласе (табл. 48—51). Г. Н. Потанин, кроме документов, изданных в «Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс.» 1866—67 гг., поместил еще ряд документов из архива б. Погран. Управл. Сибирских Кирг. за последние годы правления Галдан-Цэрэна и следующие в «Сборнике историко-стат. сведений о Сибири и сопредельных ей странах» (т. II, в. I, 1876) в статье, озаглавленной: «Наши сношения с джунгарскими владельцами» (статья не закончена, 1—64 стр.). Относительно исполненных в Париже гравюр, изображающих военные действия малджур в Джунгарии при Цянь-луэне, исчерпывающие сведения сообщил P. Pelliot в статье «Les conquêtes de l'empereur de la Chine» (T'oung Pao, 1920/21, pp. 183—274); там же указана и прежняя литература.

калмыцкие и китайские, но при обилии содержащегося в них материала он мог использовать только небольшую его часть, и в его работе мы находим главным образом статейные списки и распросы русских посланцов. В б. Архив М. Ю., где в делах б. Сибирского приказа имеется много документов, важных для темы автора, автор вовсе не обращался. Возникает даже сомнение, насколько внимательно ознакомился автор с трудом П. Н. Оглоблина: «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа», так как даже из него он мог бы почерпнуть полезные для себя указания и прежде всего узнал бы о существовании в Архиве М. Ю. около 30 статейных списков интересующей автора эпохи, в том числе оригиналов или более исправных копий тех списков, которые им изданы. И вот результаты. Автор жалуется (II, 99) на то, что он не нашел никаких сведений о поездке к Алтын-хану в 1632 г. Карякина, а между тем Оглоблин (I, 212) говорит о существовании в Арх. М. Ю. целого статейного списка Казыя Карякина. Автор издал ст. список Тухачевского 1634—35 гг. по попорчейной рукописи Арх. М. И. Д., а между тем в архиве М. Ю. имеется другой экземпляр этого документа, а сверх того и распросные речи того же посланца, содержащие дополнительные сведения о поездке. Автору остались совершенно неизвестными поездки Кольцова 1657 г. и Лаврова 1662 г. к Алтын-хану и Былина 1668 г. к ойратам; нет у него ни одного списка по поездкам к киргизам и белым калмыкам (теленгутам), хотя об этих народах автору приходится говорить очень часто. О поездке Литосова к ойратскому князю Сэнгэ автор узнал из ссылок на него в статейных списках других лиц, но при этом возникли сомнения (II, 178⁵ и 182²), которые оказалось невозможным разрешить, а между тем из имеющегося в Арх. М. Ю. ст. списка Литосова видно, что вместе с ним из ойратских кочевьев приехали сначала в Тобольск (июнь 1665), а затем в Москву (январь 1666) Чинкошеучин (от Сэнгэ) и Кулан-Кардачин (от Чокур-убашин), а потому 7174 г., как дата их приезда в Россию, имеет основное значение.

Извлеченные автором из Арх. М. И. Д. документы напечатаны, к сожалению, не полностью, а в большинстве случаев с пропусками, часто существенными, и при том иногда части различных документов оказываются объединенными в одно целое без всяких указаний¹, что вводит в заблуждение даже самого автора. Так, распрос Томилки Петрова (I, ССХVII)

¹ Такое смешение объясняется, вероятно, тем, что автор не сам делал выписки из дел, а поручал это другим лицам, которые ограничились механической перепиской и не сделали всех необходимых пометок.

составлен из 2 документов, которые разделить по смыслу не трудно, но со следующим распросом 1618 г. — Иванки Савельева (I, ССХІХ след.) дело обстоит хуже: этот документ состоит из 4 различных частей, причем на стр. ССХХІ в него вставлен текст справки, составленной деятелями Посольского приказа о первом ойратском посольстве в Москву 1608 г., как о прецеденте («И сыскало в Посольском приказе»... до слов: «И марта в 20 день»), а между тем автор и эту часть приписал Савельеву (II, 33 и 43). Очень содержательный стат. список Кульвинского о поездке в 1667 г. к Сэнгэ сохранился, как мною уже было отмечено¹, в несовершенном виде; автор также обратил на это внимание, но его усилия расположить текст в надлежащей последовательности не увенчались, вопреки его уверенности (II, 180), полным успехом; так, напр., абзац: «великим государем не кыштым» (I, ССХХХІІ) нужно перенести на следующую страницу после слов: «а я де тайша» (13 строка снизу) и, наоборот, с этой последней стр. (6 стр. снизу) слова «не сам принять» (ошибочно напечатано «принял») «велел» до конца фразы подлежат водворению на стр. ССХХХІІ вместо указанного абзаца.

Далее Baddeley не нашел в Арх. М. И. Д. некоторых важных для себя и имеющихся там документов; таковы стат. список Дамилы Аршипского 1646 г. и довольно обширная переписка касательно возвращения из Джунгарии шведа Рената в 1733 г.² Особенно сильно чувствуется пробел в сведениях относительно последнего, так как ему автор уделал мало внимания и извлек ценные сведения об нем и приписывавшихся ему картах Джунгарии из шведских архивов, но не обследовал в этом отношении русских архивов. Он вынужден, напр., ограничиться только догадкой, что своим освобождением Ренат обязал майору Угримову, а между тем в Московском архиве имеются подробные сведения об обстоятельствах, сопровождавших как возвращение Рената, так и пребывание в России, и о роли Угримова; сохранилось даже подлинное письмо Галдан-Цэрэна к Аппе Иоанновне на калмыцком языке с просьбой об оказании Ренату содействия к возвращению на родину. Не удалось только обнаружить в Москве никаких сведений о привезенных им с собою картах.

¹ ИРАН, 1919, стр. 1208³.

² О существовании этих документов автор мог узнать хотя бы из архивных описей, которые были, несомненно, у него в руках (зениг-дела 1647 г. и 1733, № 1); но что касается Рената, то им Baddeley, повидимому, заинтересовался уже после отъезда из России; по крайней мере некоторые справки по этому делу наводились, как видно из труда (I, ССХХХІІІ), не им лично, а деятелями архива.

Документы, которые были изданы прежними исследователями, преимущественно русскими, автор проверял по архивным оригиналам, но помещал только в английском переводе; в этом виде даны и некоторые впервые издаваемые документы. Перевод, вообще говоря, выполнен удачно, особенно если иметь в виду трудности, сопряженные для иностранца с пониманием и передачей языка XVII в. Но некоторые отклонения от русского текста все же замечаются; тут на лицо случаи неточного понимания устарелых слов и выражений и лепужная перефразировка. Вот примеры: слово «абле» (I, CCXLVI) переведено two (II, 436), хотя и с вопросительным знаком; «царевич и земля его поддалась к Бухарской земле» (I, CCXVIII) — tsarevich and his country have gone over to Buchara (II, 40); «со выюки» (I, CCXVII) — with loaded horses and camels (II, 37); «твоих государевых людей» — any officials of thine (там же) и др.

Как бы однако ни были существенны имеющиеся у автора пробелы и недочеты, все же и то, что им издано, весьма заметно обновляет имевшиеся до сих пор сведения и делает рассматриваемый труд важным пособием не только для англичан, но и для русских: мы имеем здесь за довольно значительный период времени не только ряд новых документов, но и пересмотренные издания старых; в числе последних имеется, напр., столь важный источник, как статейный список Байкова, с многочисленными впервые изданными дополнениями, или же стат. список Тухачевского, хотя и изданный по дефектной рукописи.

Столь же ценной является и изданная автором серия карт, в которой наглядно отражается ход изучения Северной Азии европейцами. Не входя в разбор этой части работы, которой автор также уделил очень много внимания, я отмечу лишь, что ему удалось окончательно разъяснить вопрос о происхождении так называемых Ренатовских карт Джулгарии и прилегающих стран. В шведских архивах нашлись документы, которые устанавливают, что одна из этих карт составлена самими ойратами по приказанию Галдан-цэрэпа (карта эта была издана впервые Р. Геогр. Обществом), а другая списана ойратами с экземпляра, отбитого у китайцев; обе карты даны в прекрасном воспроизведении и с подробными указателями имеющихся на них названий (в русской и английской транскрипциях). Для выяснения источников, послуживших для составления рассматриваемых карт, автор обратился к китайской картографии и, в частности, изучил историю карт Китая, составленных в XVIII в. иезуитами, но все же собранный материал оказался недостаточно полным, так как война помешала обследовать в этом отношении европейские библиотеки; кроме того, здесь, конечно требуется знание китайского языка и разобраться в этом деле нелегко.

обещает P. Pelliot, очевидно на основании богатых коллекций парижских библиотек¹.

Выше уже была отмечена неполнота в использовании печатной литературы. Автору осталось неизвестным такое издание, как Русск. Ист. Библиотека с ее довольно многочисленными документами по сношениям с монголами (тт. II и VIII); хотя он и делает на нее однажды ссылку (II, 36), но она не значится в библиографическом указателе и указанные документы остались неиспользованными. Так, инцидент с русским посланцем Черкасовым в 1623 г. излагается (II, 37⁴) по пересказу Фишера, хотя документ, послуживший для последнего источником, и издан в РИБ (II, 447—451). ЗВО автору мало известны, он пользуется ими лишь случайно и в этом отношении пробелов много. Он не был знаком с работой А. Е. Любимова: «Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII в.»², которая непосредственно относится к теме и могла бы дополнить сообщаемые автором сведения (II, 425—428). Он описывает (II, 229) Тырские памятники, находившиеся близ г. Николаевска на Амуре, на основании предварительного сообщения В. П. Васильева³ и не знает, что китайский текст полностью переведен П. С. Поповым⁴, а монгольский А. М. Позднеевым (Лекции по ист. монг. лит., III, 70—75). Автор держится старого мнения о местоположении Бишбалыка, отождествляя его с г. Урумчи (I, XLII), хотя развалины его недавно найдены близ г. Гу-чэна (ЗВО, XXIII, 77 след.). Остается у него старое толкование титула хунтайджи (контайша), как «лебедный князь» (II, 31¹) вместо принятого ныне «наследник престола» (хуан тай-цзы). Вообще автор, пожалуй, лучше знаком со старой литературой (это его стихия!), чем с новой. В генеалогических таблицах брат Чингис-хана неоднократно именуется Khasaga, вм. Хасар.

В своих изысканиях и выводах Baddeley обнаруживает умение критически разбираться в источниках, и это дало ему возможность, при обилии привлекаемых новых материалов, отметить многое, что до сих пор остава-

¹ Young Rao, 1920 21, 24; 1922, 102. Отметим, что Азиатский Музей РАИ также обладает редкими экземплярами несутских карт, изданных в Китае частью на китайском, частью на манджурском языках. Одна карта в 7 полос (32 листа — Вр., XVII, 38) восходит к периоду Кян-си, две же были изданы при Цянь-луне; из них первая в 10 полос (119 л. — Вр., XVII, 49) — ксилограф; она, судя по легенде на первом листе, переведенной Douglas'ом (I, СХСIII), совпадает с экземпляром India Office; другая в 9 полос (98 л. — Вр., XVII, 43) была гравирована на меди и представляет новое исправленное издание первой, но без юго-западного угла.

² ЗВО, XXI, 65—94.

³ ИРАН, 1896, 4, 365—367

⁴ ЗВО, XVI, 012—020, 077.

лось незамеченным, и разъяснить немало спорного. Он не упускает случая указать на промахи прежних исследований, проявляя при этом иногда чрезмерную резкость суждений. Автор беспощадно критикует ошибки, допущенные Клапротом при составлении его известной *Carte de l'Asie Centrale* (I, CLXX—CLXXII), хотя она и оказалась полезной при разборе надписей на Ренатовской карте. Набрасывает *Baddeley* тень и на своего любимого автора, Н. Спафария, которому он уделит больше всего места. Выяснилось (II, 208—212), что его «Описная книга о Китайском государстве» представляет собою просто перевод работы иезуита М. Мартини: *Atlas Sinensis*, с некоторыми сокращениями и добавлением 2 глав. При этом *Baddeley* резко критикует Н. Ф. Катанова. А. И. Яценмирского и др., которые, издавая в 1910 г.¹ указательную книгу, не заметили этого обстоятельства и приписали авторство самому Спафарию. Необходимо однако отметить, что Катанов в своем предисловии к изданию все же определенно указал, что Спафарий свои сведения о Собственном Китае почерпнул «по преимуществу из сочинений печатных, западно-европейских путешественников и иезуитов»; ему лишь не удалось установить тождества с сочинением Мартини.

Подверглась нападкам и калмыцкая биография Зая-пандиты, по эти нападки представляются мало основательными. Если автор биографии приписывает именно Зая-пандите введение среди ойратов духовных обетов, несмотря на то, что буддизм среди них упрочился значительно ранее (I, I,XXIX), то нужно иметь в виду, что эти обеты характеризуют учение секты желтошаночников, между тем разные монгольские племена первоначально усвоили учение красношаночников. Следует думать, что то же самое происходило и среди ойратов, и таким образом в биографии можно видеть свидетельство того, что учение желтошаночников упрочилось между ойратами благодаря Зая-пандите.

Показание о времени смерти последнего — 1662 г. (I, LXXIX) едва ли может быть опорочено передаваемым у А. М. Позднеева² рассказом (без указания источника, с очень характерными оговорками — «рассказывают, что», «будто бы») о том, что Зая-пандита был в 1662 г. в Пекине и представлялся богдо-хану. Такой факт едва ли мог бы остаться неизвестным автору биографии, как бы ни были неточны его показания, а если обратить внимание на конец рассказа у А. М. Позднеева (об этом *Baddeley* умалчивает), то окажется, что Зая-пандита был жив еще в 1697 г., т. е. пришлось бы удлинить его жизнь по крайней мере на 35 лет и приписать ему

¹ Н. Г. Спафарий. Описание перьей части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.

² Монголия и монголы, II, 146—147.

100-летний возраст, что, конечно, тоже было бы отмечено в биографии. Вернее всего предположить, что А. М. Позднеев сообщает со слов Кукухогоских лам искаженный рассказ, который должен быть приурочен не к первому джунгарскому Зан-гегену, а ко второму халхаскому, что согласуется и с началом рассказа.

Остается наиболее существенное возражение Baddeley'я касательно времени смерти Батур-хунтайджия. Отвергая дату биографии Зая-пандиты (зима 1653 г.), он склоняется к дате, приводимой из неизвестного источника Палласом, которого в других случаях он подвергает сильной критике (II, 31) — 1665 г. или по меньшей мере 1660 г. (II, 126). Со своей стороны Baddeley приводит только косвенные доказательства, которые вряд ли могут идти в сравнение с точным показанием биографии. Указанный на время смерти Батур-хунтайджия в русских архивах пока не обнаружено, но сношения с ним в 1650—53 гг. поддерживались очень оживленно, и последний найденный мною в Арх. М. Ю. список (ст. 455) говорит о поездке русского посланца Костелецкого к контайше осенью 1653 г., после чего сведения прекращаются. Совпадение этой даты с указываемым в биографии Зая-пандиты временем смерти Батура представляется очень значительным, хотя, конечно, требуются еще дальнейшие разыскания в русских архивах.

С именами Батур-хунтайджия и его отца Харахула связано у автора, как я полагаю, и другое недоразумение. В русской литературе, основанной преимущественно на калмыцких (ойратских) и монгольских источниках, считается установленным, что Батур-хунтайджи носил имя Хотохозинь (Хутугучин), а отец его Харахула — Хутугайту с прозвищем Докшин-нойон («грозный князь»)¹. Howorth, разбираясь в сообщениях писателей XVIII в., высказал предположение, что Батур и Харахула — в действительности одно и то же лицо², и эту точку зрения усвоил и Courant³, который не мог найти по этому вопросу достаточных данных в китайских источниках; у последнего отсутствует только прозвище Докшин-нойон. Вопрос осложнился еще тем, что русские документы двух первых десятилетий XVII в. говорят о каком-то ойратском князе Богатыре, который являлся едва ли не самым главным у ойратов, имя же Харахулы появилось только в конце указанного периода. Baddeley неоднократно касается этого вопроса, но в конце концов и он остановился на догадке Howorth и в генеалогической таблице джунгарских князей (I, табл. G) отец Батура значится, как Докшин-нойон,

¹ Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., стр. 99.

² Howorth, History of the Mongols, I, 614.

³ Courant, L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles, pp. 19, 39, 49.

т. е. под одним прозвищем, а имя Харахулы приписано самому Батуру. Таким образом принято, без веских данных, мнение, которое противоречит туземным источникам, оставшимся не опровергнутыми. Если, конечно, позволительно сомневаться в точности показаний компилятивных калмыцких историй XIX в., то можно указать, что в данном случае они вполне согласны с подлинными ойратскими документами конца XVII в.¹; в них преемственность от отца к сыну зюнгарских князей определенно устанавливается в таком виде: Була-тайши, Харахула и Батур-хунтайджи.

Больше вероятный имеет отождествление Харахулы с «Богатырем» начала XVII в., а не с Батур-хунтайджием или Контайшей периода 1634—1653 гг., хотя возможно, что согласно предположению Baddeley'я русские источники иногда смешивают зюнгарского (?) Богатыря с дэрбэцким Далай-тайшей (Талай).

Вопрос о личности алтын-ханов Западной Монголии в XVII в. можно считать теперь в значительной степени освещенным, а, может быть, и разрешенным. Главную заслугу в этом деле автор склонен приписать себе (II, 46), но в действительности он по существу не пошел далее Howorth, который в данном случае оказался на высоте положения². Последующие писатели, как Courant и Baddeley, лишь шли по его следам. Последний поставил вопрос о времени смены «Кумганчел» Ирдэн-контайшей, но этот вопрос оказался пока неразрешимым; в связи с этим, быть может, следовало бы выяснить, была ли на самом деле такая смена и не ограничилось ли дело только двумя (а не тремя) алтын-ханами.

Заключив свой частичный разбор труда Baddeley, считаю нужным еще раз подчеркнуть его крупное значение. Отмеченные недочеты, конечно, досадны, но они искупаются положительными качествами труда. Автор значительно осветил длинный период деятельности русских в Северной Азии новыми материалами, преимущественно русскими, и сделал их доступными для последующих исследователей. Теперь делается еще более ясным все значение русских архивных документов и если ближайшие потребности науки в известной степени и удовлетворяются английским трудом, то им все же не снимается с русских обязанность приступить к надлежащему изданию означенных документов в подлинном виде, с возможною полнотою.

Издан труд Baddeley'я роскошно в 250 пронумерованных экземплярах.

Вл. Котвич.

¹ Я имею здесь в виду документы, указанные в моей статье в ИРАН, 1919, стр. 1203.

² Howorth, *op. cit.*, I, 457.